

Черное / белое — новое / старое

И вот тогда из снов, из пустоты...
Свой тайный смысл доверяют мне предметы.

Б. Ахмадулина

Древние китайцы считали, что лучшим учителем человека является... камень. Ведь камни имеют свои, зачастую исчисляемые веками истории и судьбы... Но так же, как нередко истины изрекаются устами младенцев, возможно, и вещи, чей возраст ребячески несолиден, способны удивлять заключенным в них глубокомыслием? По крайней мере, погружаясь в проект Сергея Кириченко "Инсталляции времени", избавляешься от высоколобного снобизма по отношению к обычным предметам, неожиданно понимая, сколь много нового они могут открыть, особенно в момент преображения искусством.

В серии инсталляций С. Кириченко нет камней, и в качестве объектов эстетического созерцания здесь буквально предстает какой-то чердачный хлам и чепуха, в подчеркнутом фотографиями А. Шевчука виде — "дырки от бублика". Но все эти утюги и пылесосы, швейные машинки с теннисными мячиками да разделочными досками творят эстетику?! И упомянутые "дырки" тут не только не случайны, они задают тон — визуальный и смысловой — всего проекта. Когда художники пишут классический натюрморт, одно из профессиональных правил гласит: "Смотри не только на предметы и отношения между ними, но и на "дырки" между предметами. Поскольку они-то порой оказываются самыми важными". Вот и в этих инсталляциях дырки получили первую скрипку. Но что же

определяет тему разыгрываемого действия? — Время, неуловимое и одновременно неукоснительно оставляющее печать своего дыхания на происходящем. Оно и то, что сохраняется в следах многочисленных артефактов, но и то, что ежесекундно утекает сквозь пальцы, во все эти дыры-зияния, как будто в никуда и в ничто. А потом, может быть, сохраняясь лишь в безмерных черных дырах космоса, возвращается к нам в ощущениях дежавю или глубже, по М. Мамардашвили, в поразительно точных попаданиях в некие прежде, задолго до тебя, кем-то открытые мысли, образы — "точки культуры".

"Инсталляции времени" — это и подсознательные попытки художника найти решение вечной фаустовской проблемы "остановить мгновенье".

Перед нами словно прокручиваются кадры истории — личной и общей, социальной, но преломленной неповторимым авторским взглядом и восприятием. В вертикальных пространствах ниш, будто кадры хроники, мелькают отрывки из "повести временных лет" длиною в человеческую жизнь. В ней все воочию слагается из мелочей, с подчеркнутым отсутствием какой-либо пафосности и геройства...

Но вместе с тем тут есть и все то высокое и настоящее, что может определить полноту и подлинность человеческого бытия. Здесь время будто замедляет свой ход, дабы дать нам шанс почувствовать иной статус и измерение видимого. Как в фильмах А. Тарковского, возникают

паузы — долгие, тягучие всматривания-погружения в части целого, одновременно исполненные простоты и глубины.

Словно молоком заливает художник свои предметы и окружающее их пространство, и этот момент становится контрапунктным. Единый белый тон заостряет внимание на конфигурации предметов и их взаимоотношениях, делает более актуальной оппозицию белое-черное, обнаруживая в этом противопоставлении новые ракурсы, связи и смысловые повороты. В конечном итоге, в этой ситуации художник позволяет свету, как при вспышке озарения, выявить то, что ранее было замылено привычным восприятием.

С. Кириченко не стыдится своих большей частью незатейливых и простоватых героев-«собеседников» — чайников, сушилок для посуды, ставших сегодня забавным реликтом деревянных счетов *etc.* Напротив, иногда с улыбкой и всегда с любовью он выводит их туда, на свой Млечный Путь, где, как шелуха, спадает вся утилитарная временность их существования. Прежняя внешняя пестрота и дробная разрозненность снимаются единым жестом художника-творца, способного даровать былому и старому новое измерение более совершенной реальности.

